

ЮРИЙ ЛИГУН

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СИЛА НЕБЕСНАЯ

Юрий Лигун

Илья Муромец и Сила небесная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17040194

Аннотация

В этой книге, выдержавшей уже шесть изданий, два главных героя – Илья и... Илья. Первый – славный богатырь Илья Муромец, второй – наш современник Илья Ножкин. В трудную для 13-летнего Ножкина минуту, когда он балансирует между жизнью и смертью, на помощь неожиданно приходит его тёзка, живший тысячу лет назад. На этом умолкаем, а что было потом, вы узнаете сами...

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
ДВОР	4
ПОЧЕМУ НОЖКИН НЕ ЛЮБИЛ СВОЮ	9
ФАМИЛИЮ	
КАНИТЕЛЬ С ЮБИЛЕЕМ	15
ЛЮБИМАЯ КНИЖКА	21
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	27
ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ	27
СТОЙКА НА РУКАХ	33
ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕК ДЫШИТ?	39
СТРАННЫЙ МАЛЬЧИК	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий ЛИГУН ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СИЛА НЕБЕСНАЯ

*Не тот пропал, кто в беду попал, а тот пропал,
кто духом пал.*

Народная мудрость

КНИГА ПЕРВАЯ ИЛЬЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НОЖКИН и др.

ДВОР

– Мазила! Да кто ж так бьёт! Надо щёчкой, а ты носком!
С двух метров!.. По пустым воротам!.. Эх!..

– Гусь, ну чего орать? У тебя тоже прошлый раз мяч в
штангу срезался...

– Зато я уже два заколотил, так что не выделяйся, а то

вообще с поля выгоню!

– Не выгонишь!

– Это почему?

– Потому что мяч заберу...

– Семякин, а ты жила!

– Кто жила?

– Ты жила!

– Я жила??? А чьим мячом мы весь прошлый год играли?

– Подумаешь, прошлый год... А в этом у Ножкина возмём. Он сам говорил: надо – берите...

– Гол! Гол! Го-о-о-л!!!

– Гусь, кажется, нам забили...

– Опа-на! Точно! А всё из-за тебя, бокопор!

* * *

Илья Ножкин сидел возле окна и листал учебник истории. Он старался не слышать голосов, но это плохо получалось. Кричали громко, но без злости – радостно кричали. И было отчего: после долгой зимы наконец-то исчезли чёрные сугробы, высохла грязь, ветром сдуло мелкий мусор, а когда перевели время и вечер сразу отступил на час, старушки под предводительством бабушки Бабарыкиной дружно выползли на свою липовую скамейку. Хотя на самом деле скамейка была железной, просто стояла под липой. Липа тоже была старой, и казалось, что после зимы она уже не проснётся.

Зато, когда на её чёрных ветках в одно утро проклюнулись почки, старушки радовались, как дети, а бабушка Бабарыкина даже слегка всплакнула, хотя всем сказала, что это ей ветром надуло глаз.

По календарю весна пришла давно, но по-настоящему она наступила именно сегодня, когда дворовая команда вышла на свой первый футбольный матч. День выдался солнечным и бодрым. Он наполнял людей доверху, как чай наполняет чашку, и согревал, и сластил, и кружил головы, и заставлял куда-то бежать и что-то делать.

Хотя, чему тут удивляться? Весна!

Тем более, что до неё ещё дожить надо с нашим паровым отоплением...

* * *

Народу на игру пришло много, правда, не того. Не было лучших забивал, а из того, что пришло, две нормальные команды никак не получались. Поэтому переросток Толик Гусев, по прозвищу Гусь, поступил по справедливости, то есть не совсем честно, да разве с ним поспоришь? В свою команду он взял владельца мяча – здоровенного третьеклассника Вовку Семякина, а в ворота поставил толстого Стаса. Это был сильный ход, потому что мимо Стаса попадали редко.

В другой команде играли мелкоклашки. Мелкоклашками Гусь называл всех, кто не дорос ему до пояса. Таких набра-

лось человек семь, а то и восемь, хотя, скорее всего, девять. Точнее сосчитать было трудно, потому что мелкоклашки ни секунды не стояли на месте, а, словно лимонадные пузырьки, летали по полю и сильно кричали. Но громче всех кричал Жорик. По малолетству Жорика в игру не взяли, но из уважения к его папе, Поликарпу Николаевичу, который за свои деньги построил футбольную площадку, поставили за ворота подавать промазанные мячи.

Игра получалась долгой, потому что всё время прерывалась дружескими потасовками. Но на тумачи и подзатыльники мелкоклашки не обижались – трус не играет в футбол!

Постепенно подтянулись болельщики: папа Жорика Поликарп Николаевич (Жорика тут же перевели в защитники!), его водитель дядя Костя, колючий сантехник Ерёмушкин, пенсионер государственного значения Кошкис и дворничиха тётя Маша с новой метлой. Ещё за игрой следили хомяк Шуша, которого Нюра с Капой вынесли подышать воздухом, и семякинский пёс Бузька, похожий на мохнатого телёнка.

Шуша болел молча, зато Ерёмушкин и Бузька сильно шумели.

* * *

Илья Ножкин любил играть в футбол. У него даже был свой собственный мяч, который лежал на полу и сверкал полированным боком. Илья скосил глаза мимо истории и мыс-

ленно пнул мяч ногой.

«Эх!» – грустно подумал он и перевернул страницу.

Вообще-то, грустить Илья не любил, потому что с детства был очень весёлым. Мама рассказывала, что он начал смеяться ещё в роддоме, хотя там ничего смешного не было. А когда подрос, то смеялся уже так заразительно, что заражал всех окружающих.

Из-за этого у Ильи было миллион друзей, и чуть ли не каждый день появлялись новые. И тут не было ничего удивительного, потому что люди любят дружить с весёлыми: их, по крайней мере, утешать не надо, весёлые и сами кого хочешь утешат. Со многими из друзей он переписывался, потому что за свою недлинную жизнь успел пожить в трёх городах и двух посёлках. А всё потому, что его папа был военным строителем, и когда одна стройка заканчивалась, папу переводили на другую.

В наш город они переехали недавно, но Илья и тут успел передружиться со всем двором, особенно с Верой. Вера была такой красивой, что даже Гусь, который обычно на девчонок ноль внимания, завидев её, мчался навстречу, но не зная, что сказать, сворачивал и убегал вдаль с лошадиным ржанием.

Вера училась в параллельном классе, зато жила рядом, на одной площадке. Их родители тоже сразу подружились и часто заходили друг к дружке за всякими мелочами, типа спичек, соли или просто поболтать. И Вера заходила на зависть всему двору. Ей нравилось, как Илья рассказывает про горо-

да и посёлки, в которых ему удалось пожить. Но больше всего она любила историю про то, как он до смерти перепугал папиного начальника — полковника Тарасюка, а заодно его жену Екатерину Ивановну и их кота по кличке Бармалей.

ПОЧЕМУ НОЖКИН НЕ ЛЮБИЛ СВОЮ ФАМИЛИЮ

Эта история случилась в крохотном военном посёлке, у которого даже человеческого названия не было. Построили его быстро, за два месяца, а потом всё время достраивали, поэтому военные называли его Новостройка. Все домики и даже тротуары в Новостройке были деревянными. Улиц насчитывалось четыре, а тротуаров — три, потому что в двух последних рядах домики стояли лицом друг к другу и тротуар у них был общий. Улицы и домики отличались друг от друга только номерами, да ещё бельём, которое сушилось на верёвках, протянутых между столбами. Из-за этого и вышел конфуз, причём в первый же день, как Ножкины приехали и поселились на улице номер два в домике номер пять. Снаружи домик был небольшим, зато внутри у него помещались две комнаты, кухня и чулан, да ещё сбоку была приделана малюсенькая деревянная веранда, впрочем, как у всех.

Вечером, когда папа оформил документы, а мама разложила чемоданы и накормила всех яичницей, Ножкины решили немного погулять, чтобы познакомиться с местностью.

На это ушло не более пяти минут, потому что местность была степь. Во все стороны она убегала за горизонт, и глазу не за что было зацепиться, кроме звёзд, которые облепили небо так плотно, что пальца не просунешь.

– Да... – задумчиво протянула мама, – завёз ты нас, Аркадий, в медвежий угол. – Кругом одни звёзды, особенно на погонах...

– А где медведи? – встрепенулся Илья.

Он тогда ещё не ходил в школу, но уже прочитал с мамой кучу книжек. В них было много сказок про медведей, и он давно мечтал увидеть какого-нибудь. Тем более, что сказочные медведи были спокойные: они в основном ели мёд или сосали лапу.

– Киндер-миндер, – засмеялся папа, – нету тут никаких медведей!

(Когда у папы было хорошее настроение, он всегда называл Илью киндером-миндером. Это слово напоминало конфету «киндер-сюрприз», только было ещё слаще.)

– Почему нету?

– Из-за сусликов. Суслики по всей степи столбиками стоят, а медведи спотыкаются и шишки набивают. Вот они и переселились в леса и зоопарки: там, правда, тесновато, зато полы ровные.

– А мама сказала «медвежий угол».

– Медвежьим углом, – объяснила мама, – люди называют такую глухомань, где даже нет кукольного театра, я уже не

говорю про парикмахерскую.

– Зато есть планетарий, – возразил папа и ткнул пальцем в звёздное небо. – А когда сдадим объект, тут вырастет настоящий город.

– С трамваями? – оживился Илья, который очень любил кататься на трамваях.

– Даже с железной дорогой! – пообещал папа и добавил: – Что-то стало холодать. Пора возвращаться, ведь нас сегодня ещё в гости пригласили.

Ножкины дружно направились к посёлку, который угадывался по чёрным силуэтам домиков и свету в некоторых окошках.

– А можно я первый побегу? – спросил Илья.

– Можно! – разрешил папа, а маме сказал: – Пускай привыкает к самостоятельности, тем более, что тут пока нет ни собак, ни бандитов, а дверь я не запер...

Илья тут же бросился вперёд и без всяких проблем нашёл их новое жильё. А чего тут искать, любой бы нашёл! Как папа и обещал, дверь была не заперта. Илья вошёл, но свет включать не стал. Не то что бы он любил темноту, а просто решил устроить родителям маленький сюрприз, в смысле громко сказать «ГАВ!», когда они войдут. Чтобы «ГАВ!» вышло неожиданным, он на ощупь пробрался в чулан и притаился. Минут через пять любой бы на его месте удивился: почему это родителей до сих пор нету? Но вместо этого ровно через пять минут Илья задремал...

...В этом месте Вера всегда начинала хихикать, потому что сто раз слышала эту историю и отлично знала, что будет дальше...

А дальше Илью разбудили громкие звуки. Сначала за скрипели ступеньки на веранде, потом хлопнула входная дверь, потом из прихожей донеслось шуршание военного плаща, который папа брал на прогулку, чтоб греть маму, если она замёрзнет.

«Пора!» – подумал Илья и, набрав в рот побольше воздуха, выскочил из чулана.

В темноте «ГАВ!» вышло хорошо. Даже слишком, потому что вместо весёлого смеха родителей в ответ раздались душераздирающий кошачий вопль, женский крик, грохот упавшего тела и команда, отданная грозным басом:

– Стой, стрелять буду!

От неожиданности Илья закричал громче всех и бросился куда глаза глядят, хотя в темноте они никуда не глядели. Из-за этого он врезался в какую-то твёрдую штуковину, которая шумно отъехала в сторону и зазвенела битой посудой. Женский голос сразу перестал кричать и жалобно застонал.

Илья рванул в другую сторону, но тут же налетел головой на что-то мягкое, которое басом сказал «уй!» и скрипнуло зубами...

А потом включился свет, и Ножкин наконец-то удивился. Во-первых, у них не было такого огромного чёрного кота, который висел на гардине и истошно орал. Во-вторых, у них вообще никакого кота не было. Да и гардины тоже. И перевернутого стола, и битой посуды. А тётю на полу, он вообще первый раз в жизни видел. И толстого дядю в военном кителе, который с перекошенным лицом держался за живот...

В общем, перепутал киндер-миндер домики. Но не совсем, потому что толстый дядя оказался полковником Тарасюком – папиным новым начальником, и это как раз он пригласил семью Ножкиных в гости, чтобы поближе познакомиться.

Вот и познакомились!..

Зато потом очень подружились: папа с полковником, мама с его женой, а Илья с Бармалеем.

* * *

В конце рассказа Вера уже не хихикала, а вовсю смеялась. Наверное, у неё было хорошее воображение. Да и всё остальное у неё было хорошее. И зеленоватые глаза, и светлые, по-мальчишески подстриженные волосы, и рыжие веснушки, которых она нисколько не стеснялась.

Как-то за ужином папа посмотрел на Илью в упор и спросил:

– Тебе нравится Вера?

От такого вопроса Илья, чуть котлетой не подавился и, чтобы не отвечать, принялся кашлять. Папа постучал его по спине, улыбнулся и сказал:

– А мне нравится. Симпатичная девчушка! Напоминает нашу маму в тринадцать лет. Во всяком случае, я точно такой её запомнил.

– Ну, вот ещё! – фыркнула мама. – Я была тихой и послушной, а эта Вера какая-то взбалмошная. Хотя чего тут удивляться – переходный возраст...

Действительно, Вера бывала разной: весёлой и серьёзной, задумчивой и прямодушной, грустной и резкой, но при этом она всегда оставалась самой собой, как море всегда остаётся морем и в шторм, и в штиль.

Ей всё было к лицу: даже то, что в ней сочетались самые не сочетаемые черты. Она была круглой отличницей, но запросто дружила с самыми отпетыми бандитами вроде Вовки Семякина и Гуся. Она играла на скрипке тихие этюды, но при этом умела оглушительно свистеть в четыре пальца, чему её научил дедушка, который в молодости держал голубятню и свистом поднимал в небо сизарей и турманов. Она казалась беззащитной, как жёлтый одуванчик, но, когда надо, дралась так, что второй раз с ней никто не связывался: этому её научил старший брат – мастер спорта по боксу.

Илье очень нравилась Вера, и он не раздумывая пошёл бы за ней на край света! Если бы мог... Но он не мог, потому что уже почти три года ездил на инвалидной коляске с металли-

ческими обручами на колёсах, которые крутил руками. Ещё недавно он мог заставить свои ноги бегать, прыгать, носить классные кроссовки и танцевать на дискотеке. А теперь они висели, как две тоскливые макароны.

Просто не ноги, а какие-то ножки – хилые и никому ненужные...

* * *

Вот почему Ножкин не любил свою фамилию. Вот почему... Да чего тут объяснять! Эх...

КАНИТЕЛЬ С ЮБИЛЕЕМ

Вообще-то, Ножкин ходил до десяти с половиной лет. Да что там ходил – летал! Ходить ему было неинтересно (вот дурак! – думал он сейчас). Поэтому он всё время бегал: за мячом, за хлебом, за автобусом и просто так.

Тогда они жили в небольшом городке, где папа строил очередной военный объект, а мама вела танцевальный кружок во Дворце культуры металлистов. Только не тех, которые поют забойные песни, обвешавшись цепями, а тех, которые работают на заводе «Металлист» и клепают кастрюли.

Как все люди, Ножкин каждый день бегал в школу и три раза в неделю – в бассейн. Прыгать в воду Илья начал в прошлом городе и к своим десяти допрыгался до целой коробки

грамот и медалей. Правда, медали были пока не очень большие, но тренер говорил, что это дело наживное.

Кстати сказать, прыгунов в воду сейчас никто не знает, не то, что футболистов, которых каждый день по телевизору показывают, а то и по два раза. Но все, кто знал Илью, а таких тоже хватало, об этом не жалели.

Во-первых, он был ловким и мог запросто пройти на руках по школьному коридору и даже спуститься во двор по выщербленным каменным ступенькам.

Во-вторых, он был ужасно сильным и вытворял на турнике такое, что у их учителя физкультуры слёзы на глаза наворачивались. И не только у него. У Славки Аполениса из 5-В тоже навернулись. Этот Аполенис был большой драчун. И в смысле роста, и потому, что он ни одной переменки без драки прожить не мог. Его директриса школы даже пообещала на переменках к парте привязывать. Но её отговорили, потому что, если его на переменках привязывать, то он на уроках драться начнёт.

Короче, не знал Аполенис, что Ножкин прыжками в воду занимается. А откуда он мог знать, если Ножкины только-только в этот город перебрались и Илья первый раз в школу пришёл, в третий класс, кажется. Поймал его, значит, Аполенис на переменке, и противно так говорит: «Дай десять копеек, пока я добрый». Ну, Ножкин и дал, только не десять копеек, а в лоб. После этого Аполенис переменок пять ни к кому не приставал, а Ножкина вообще обходил двадцать

пятой дорогой.

А в-третьих, Илья был очень весёлым, но об этом мы, кажется, уже говорили.

* * *

Правда, были у него и недостатки. Не такие большие, но всё-таки... В общем, как у всех: уроки, руки, уши... Кроме одного... Короче, Ножкин был ужасно влюбчивый.

– Весь в папочку! – улыбалась мама.

– Ира, ну что ты такое говоришь? – возражал папа, – я всю жизнь только одну тебя и люблю, причём с тринадцати лет.

– Вот-вот, именно с тринадцати лет, а серьёзные мужчины должны влюбляться в двадцать пять, когда у них появляются деньги, чтобы обеспечить своим жёнам сносную жизнь.

– Тогда уж лучше влюбляться с шестидесяти пяти, когда к накопленным деньгам ещё и пенсию дают, – отшучивался папа, но на всякий случай грозил Илье кулаком, чтоб тот не засматривался на девчонок, пока не станет пенсионером.

Только Ножкин не собирался ждать так долго. В первый раз он влюбился ещё в детском саду, причём ни в кого попало, а в воспитательницу. И хотя ей было аж двадцать два года, зато она не обзывалась и не давала подзатыльников.

Во второй раз он влюбился в девочку Дашу. Однажды он даже поцеловал её возле забора, но был сильно укушен, после чего стал влюбляться осторожнее.

Но больше всех ему нравилась Марина, с которой он познакомился в бассейне, куда мама привела его записываться. Марина была смелая. А смелость очень полезная вещь для прыгуна в воду. Потому что первый раз плюхнуться с метрового трамплина очень страшно. Мало того, что у него перил нету, так он ещё ходит ходуном под ногами, а все на тебя смотрят, и тренер кричит: «Ну, давай, чего зря маяться!» Так вот Марина не маялась, а сразу шагнула в воду, причём с закрытыми глазами! В их группе никто так не смог! А двое (не будем называть фамилии) и вообще встали на четвереньки и уползли задом наперёд.

Да, Маринка была что надо! Из-за неё Ножкин на второй тренировке без спросу прыгнул ласточкой и громко стукнулся пузом о воду, за что тренер его при всех отругал, хотя после тренировки одобрительно хлопнул по красному животу и шепнул: «Молодец!»

И вот только Ножкин решил с Мариной поближе познакомиться, как родители взяли и переехали! В другом городе Илья целую неделю ходил мрачный, пугая маму с папой, которые ломали голову, что с ним такое, и даже хотели отвести к детскому врачу. Но потом всё само прошло, тем более, что и в новом бассейне было много смелых девчонок...

* * *

Девочки к Ножкину тоже хорошо относились, потому что

он никогда не задибался, а наоборот заступался и к тому же смотрел на них влюблёнными глазами. Девчонки это чувствуют, и если не смотреть на них влюблёнными глазами, никакие слова не помогут, хоть стихами говори.

Короче, всё у Ильи было хорошо. Правда, ему очень не хватало собаки и велосипеда, а так всё было просто замечательно.

И вот однажды случился у него первый юбилей. Юбилей – это когда число прожитых лет заканчивается на «ноль» или на «пятёрку». Например 100 или 95.

Когда человеку стучает сто или девяносто пять, все говорят, что этого не может быть, ведь он выглядит так молодо, и вообще только жить начинает, и что всё у него ещё впереди.

И Ножкину говорили то же самое, потому что ему стукнуло ровно десять. Это случилось первого января, сразу после новогодней ёлки. Вообще-то десять лет назад родители ждали Ножкина чуть-чуть позже, а он взял – и родился чуть-чуть раньше. Короче, устроил им новогодний подарок! Но папа с мамой нисколько не огорчились, а наоборот обрадовались. Ещё бы! Ведь не каждая семья начинает новый год со дня рождения...

* * *

По случаю круглой даты Илье разрешили пригласить самых лучших друзей. Про самых лучших родители специаль-

но сказали, опасаясь, что если он пригласит всех подряд, то друзья не поместятся в большом зале Дворца культуры металлистов.

Только попробуй тут разбери, кто самый лучший, а кто нет, если все хороши. Ножкин долго ломал голову, кого пригласить: он писал и зачёркивал, а потом снова писал и снова зачёркивал. Просто не юбилей, а какая-то канитель с головомомкой! Увидев его муки, папа посоветовал бросить жребий.

– Вот ещё! – фыркнула мама. – Бросать жребий на живых людей. Лучше напиши алфавитный список и позови тех, у кого фамилии идут до буквы «Л»... Или наоборот.

– Не получится, – подумав, сказал Илья. – Тогда придётся приглашать или Шевченко, или Иванова. А они поодиночке ни за что не придут, потому что всегда вместе ходят, даже когда одного к директору вызывают. За это их все учителя называют «братья-славяне».

– Дело принимает политический оборот! – озадаченно почесал в затылке папа и смерил взглядом полированный стол. – Жаль, что взлётная полоса у нас коротковата: больше двенадцати не сядут, так что соображай быстрее...

Тогда Ножкин поступил просто: из мальчишек он позвал только Шевченко с Ивановым, а на остальные десять мест пригласил девчонок из класса и ещё двух прыгунш из секции. Девчонки, конечно, расфуфырились, как куклы Барби, и когда «братья-славяне» такую красоту увидели, то чуть не обалдели. Но потом ничего, освоились, а Шевченко, напив-

шись лимонаду, даже рассказал, как они с Ивановым и с двумя папами ездили на охоту и завалили дикого кабана весом триста пятьдесят кгэ. Девчонки, конечно, не поверили, но Иванов бросился другу на помощь. Он, как ненормальный, начал вращать глазами, противно хрюкать и бить копытами в пол. А копыта у Иванова о-го-го! – почти, как у семиклассника, а голос и подавно. Так что девчонки сразу завизжали на десять голосов плюс мамин одиннадцатый... Папа их еле-еле успокоил. А Иванова предупредил, что если он ещё кого-то изобразить захочет, то пусть сначала с ним посоветуется...

В общем, было весело! Но главное не это. Главное – подарки! Честно говоря, сейчас Илья точно и не помнил, что ему тогда подарили. Кроме одной книжки про богатырей, которая называлась «Былины».

ЛЮБИМАЯ КНИЖКА

Эту книгу Ножкин прочитал раз сто, а может, двести, но уж во всяком случае четыре раза точно! Было даже не совсем понятно, кто кого проглотил – Илья «Былины» или «Былины» Илью.

Если вы думаете, что былины – это сказки, то сильно ошибаетесь, потому что на самом деле «былина» происходит от слова «быль». А быть – это то, что было. Просто былины приплыли к нам из незапамятных вековых глубин, вот некоторым и кажется, что такого быть не могло.

Чепуха! Ещё как могло! И мы сейчас это докажем, как дважды два четыре.

Представьте себе на секундочку, что всего через тысячу лет ваш сверстник откроет какую-нибудь книжку начала 21-го века. А там написано про восьмиклассника Васю, который сел в лифт, спустился во двор, пробежал два квартала, вскочил в автобус, приехал на вокзал, сел в электричку, дочухал до областного центра, нашёл метро, немного перепутал, в какую сторону ехать, потом пересел в маршрутку «Центр-Аэропорт»... и всего на полминуты опоздал на самолёт, который должен был оттарабанить его на международную школьную олимпиаду по химии.

Как вы думаете, что скажет наш недалёкий потомок, прочитав это? Сказки, скажет он! Во-первых, что это за имя такое – Вася? Нету таких имён! Есть Маша! Есть Машенька! А Васи нету, и быть не может!

Во-вторых, чего этот Вася дёргается, как псих ненормальный? Нет, чтобы выйти на балкон, сесть в личный ролежблер – и лететь себе куда надо без всяких пересадок!

* * *

Вот и нам богатыри из былин порой кажутся странными. А на самом деле это совершенно нормальные люди, и от нас они отличаются лишь тем, что не смотрят телевизор и не жуют жвачку.

Ножкин сразу это понял. Ему богатыри странными ничуть не показались. Они ему, наоборот, страшно понравились. Былинные богатыри были умными, смелыми и добрыми! Если им приходилось драться, то они делали это честно, не то что Длинный из соседнего подъезда, который всегда норовил отвлечь противника дрыганьем ног и криками «кия!».

Богатырям это было ни к чему. Они спокойно обходились без всяких хитрых каратистских штучек: просто давали булавой в лоб – и уноси готовенького!

Когда однажды Илья рассказал про это за ужином, мама с негодованием воскликнула:

– Какой ужас! Бить человека дубинкой по лицу!

– А пусть не лезут на нашу территорию! – вступился за Илью папа.

– Аркадий, ты рассуждаешь как военный. А ведь есть более гуманные методы.

– Газом потравить, – не к месту вставил Ножкин.

– Илья, прекрати! – фыркнула мама. – И вообще, что за разговоры за столом? Все быстро закрыли рты – и доедаем кашу!

Но вместо этого все дружно рассмеялись, представив, что будет, если есть кашу закрытыми ртами...

Из богатырей больше всех Ножкину нравился Муромец. Он был самым умным, самым смелым и самым добрым. А ещё у него было самое классное имя. И пускай это было простым совпадением, но Ножкину всё равно было приятно, что его тоже зовут Ильёй.

Когда родителей не было дома, Ножкин превращался в богатыря... Сами понимаете в какого... Вооружась за неимением меча и булавы кухонным ножом и молотком-гвоздодёром, он смело распахивал двери пещеры – узкого, но глубокого стенного шкафа – и кричал: «Выходи, Идолище поганое! Изрублю татарскую силу басурманскую на кусочки с коровьи носочки!»

От таких слов спину продирали мороз. Ещё бы! – это было покруче всяких там «замочу гада!» из современных телесериалов.

Чтобы ещё больше походить на своего былинного тёзку, Илья влезал в мамины резиновые сапоги, натягивал на голову папин треугольный капюшон от военного плаща и прикреплял к ушам тесёмки длинной мочалки, которая временно заменяла богатырскую бороду, покамест не отросла своя. Если бы в этот момент его увидели «братья-славяне», которые запросто ходили на кабана, они бы непременно умерли от страха. А про девочек вообще промолчим.

Но в Илью Муромца Ножкин превращался, когда сильно бурлила кровь. А так он больше читал. И чем больше он читал, тем больше у него возникало вопросов.

* * *

Вот взять, к примеру, былинку об исцелении Муромца. Это ж надо, просидеть тридцать лет на печи, а потом вскочить и сразу начать вырывать дубы с корнем! Ножкин заподозрил неладное, когда заболел ангиной. Он целых три дня провалялся в постели и ещё четыре просидел на диване, шурша страничками. Но всё-таки выздоровел и вышел на улицу. И что бы вы думали? С непривычки или от свежего кислорода его сразу начало качать из стороны в сторону, словно пьяницу. Куда уж тут деревья вырывать, тут как бы самого не вырвало (извините, конечно, если кто за ужином читает, но ведь не зря говорится: ужин отдай врагу)...

Или объясните популярно, как Соловей-разбойник мог на девяти дубах сидеть? Это ж какого размера сиденье надо иметь, тем более, что каждый дуб в пять обхватов?

Ладно, едем дальше... Сколько времени можно промахаться мечом, чтобы рука не отвалилась? Ну, в кино понятно: в кино по полтора часа машут и даже не запыхиваются. Так там и из 8-зарядного пистолета по сто пуль выпуливают. А если махать не понарошку, то сильно не размашешься.

Илья, хоть и был спортсменом, а повыбивал однажды ко-

вѐр пластмассовой выбивалкой, так через пять минут сам из сил выбился. Пришлось передышку делать. А как же в бою? Там ведь не скажешь: «Стоп, ребята, я уже никакой. Поэтому вы пока погуляйте, а я полчасика отдохну, водички попью и опять начну рубить ваши буйны головы. Так что не расстраивайтесь!».

* * *

Со своими вопросами Ножкин ко всем приставал. Особенно к учителю истории Евгению Петровичу Ворошилко. Но Евгений Петрович Ворошилко отмахивался от него, как от назойливой мухи, потому что сорок пять лет назад защитил диплом не по Киевской Руси, а по истории строительства Беломоро-Балтийского канала.

Тогда Илья начал читать книжки сам и незаметно для себя пристрастился к истории. Правда, в ущерб английскому и ещё парочке ненужных предметов.

Зато по физкультуре у него всегда было двенадцать с плюсом. И то потому, что их физкультурник боялся числа тринадцать...

Чудак!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БАШМАЧКА

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ

Когда после дня рождения прошло полгода, сразу наступило лето. Двор моментально опустел. Кого-то отправили в лагерь. Кого-то сплавили на море. А когда и «братья-славяне» с палатками и родителями махнули в поход, Ножкин заскучал. Тем более, что в бассейне обнаружилась дырка, через которую вытекала вода, и его закрыли на текущий ремонт, а до пляжа было далеко, поэтому Илью туда одного не пускали. Вот и приходилось ему слоняться по пустому двору или бить мячом по пустым воротам. Как говорится: «Пришла беда – отворяй ворота»...

Но Илье повезло. Не успел он вдоволь наскучаться, как папа сказал:

– Киндер-миндер, не горюй! Послезавтра отправим тебя на деревню к дедушке.

– И к бабушке, – добавила мама.

– К бабушке-балабушке, – весело подхватил папа, – к тёщеньке моей ненаглядной, Валентине Павловне любимой!

– Аркадий, прекрати паясничать! Не понимаю, чем тебе моя мама не угодила?

– Ира, как ты могла подумать? Просто у меня хорошее настроение! А твою маму я очень люблю, ведь она мне лучший в мире подарок сделала.

– Какой подарок? – спросил Ножкин.

– А вот такой! – ответил папа и, подхватив маму на руки, звонко чмокнул её в щёку.

* * *

Через два дня родители отвели Илью на автовокзал и посадили в сине-белый автобус «Икарус», который ехал через деревню, где Ножкина должен был встретить дедушка Никифор. Мама боялась отпускать Ножкина одного, и чтобы её успокоить, папа пошёл договариваться с водителем – толстым добродушным дядькой с кучерявой грудью, торчащей из-под расстёгнутой рубашки. Водитель молча выслушал папу, потом подошёл к Илье, смерил его взглядом и проговорил сиплым голосом:

– Не бойсь! Довежём твоего богатыря в лучшем виде и сгрузим где надо. Дело привычное: я ж раньше кур мороженных возил, и то ни одна не пропала!

От этих слов мама сразу успокоилась и даже заулыбалась, отчего стала такой красивой, что кучерявый водитель крикнул и пошёл утрамбовывать пассажиров дальше.

А Ножкин и не улыбался, он просто светился от счастья. Ведь из-за того, что у мамы надвигался смотр художествен-

ной самостоятельности, а у папы намечалась сдача очередного секретного объекта, Илья впервые в жизни ехал один. И ведь путь был неблизкий – целых пять часов ходу!

К тому же место ему досталось что надо – у самого окна. Ножкин сразу прилип к стеклу носом и стал махать родителям рукой, чтобы они побыстрее уходили. Но те наоборот стояли на месте и радостно махали в ответ. Наконец автобус тронулся, и родители уплыли за край окна. Ножкин быстро вскарабкался на сиденье с ногами и успел в последний раз увидеть их в заднем стекле. Папа что-то кричал вдогонку. Илья прислушался и услышал:

– А ну, слазь! Чего скачешь? Я может, хрусталь везу из десяти предметов, хотя поначалу было двенадцать... Так что не дрыгайся, пока мы остальное не кокнули.

Голос шёл откуда-то сбоку. Ножкин перестал прыгать и обернулся. Оказалось, кричал вовсе не папа, а сосед, которого Илья сразу не заметил. Это был взрослый парень лет двадцати в синих брюках, фиолетовой рубашке и чёрных ботинках. На его голове, несмотря на лето, красовалась коричневая шерстяная фуражка, которой он то и дело вытирал пот с широкого лица.

– Семён... Сеня... – представился сосед и протянул Илье горячую ладонь.

– Ого! – уважительно сказал он, когда Ножкин её пожал. – Штангу тягаешь?

– Нет, в воду прыгаю.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем в воду прыгать? В воду надо постепенно входить: мало ли чего там на дне лежит...

– А что там может на дне лежать? – не понял Илья.

– Ну, рельсы, к примеру.

– Дядя Сеня, откуда в бассейне рельсы?

– Как откуда? Строители забыли! И вообще, какой я тебе дядя? Я тебе просто Семён. Семён Кочкин. Газоэлектросварщик... Через неделю экзамены... – тут сосед неожиданно зевнул и договорил сонным голосом. – Подарки домой везу... Весь упарился... Так что, извиняй!

С этими словами будущий газоэлектросварщик откинулся на подголовник и моментально заснул. Но Илья не сильно расстроился. Он снова прилип к окну, за которым летели столбы и деревья, а за ними почти неподвижно лежали зелёные поля, упираясь в синий небесный свод.

* * *

Ровно через пять часов водитель автобуса почесал кучерявую грудь и объявил в микрофон:

– Башмачка! Стоянка на всё про всё две минуты... – потом он наморщил лоб, словно вспоминая что-то, и наконец радостно воскликнул: – Слышь, Ножкин, выходи!

– Слышу! Выхожу! – громко ответил Илья.

– А! – вскинулся сосед-сварщик, проспавший всю дорогу. – Чего сказали?

– Башмачка, – объяснил Ножкин, – моя деревня.

– Что значит твоя, когда моя? И зачем деревня, когда оно – село?

– А какая разница?

– Как какая? – обиделся Семён Кочкин. – Очень даже такая! В деревне, во-первых, церкви нет! А у нас... Вон, смотри!

Илья посмотрел вперёд и увидел, что в конце дороги показались дома. Над их острыми крышами покачивались деревья. А ещё выше, над зелёными верхушками, сверкали три золотых купола – один большой и два поменьше. Они парили в затухающем вечернем небе, хотя сама церковь прочно стояла на земле. Ножкин зажмурился и помотал головой. Ему вдруг показалось, что это ожила картинка из его любимой книжки: три богатыря в сверкающих шлемах охраняют родную землю от супостатов...

* * *

Дед Никифор – высокий, крепкий старик с окладистой и седой как лунь бородой – не опоздал, потому что пришёл на станцию на два часа раньше. Лёгкая соломенная шляпа и чистая рубашка-косоворотка, какие сейчас можно найти только в доисторическом музее или увидеть в кино про кре-

постных крестьян позапрошлого века, свидетельствовали о том, что его заботят отнюдь не мода и мнение окружающих, а исключительно соображения удобства и здравого смысла. Правда, его брюки и сандалеты были чуть посовременнее, да и то лишь потому, что эти части гардероба из-за своей близости к земле не живут так долго, как шляпы и рубашки.

Старик выбрал скамеечку под тенистым деревом и приготовился ждать, опёршись подбородком о деревянную палку с какой-то странной рогатиной вместо ручки. Со стороны могло показаться, что он спит, но он не спал, потому что, когда в самом начале длинной улицы, ведущей к автостанции, показался автобус, дед Никифор открыл глаза. Они оказались светлыми и живыми – как у ребёнка, но взгляд был пронзителен и даже несколько тяжёл. От такого взгляда не спрячешься: он прожигал насквозь и выдавал в его обладателе недюжинную внутреннюю силу.

Это было тем удивительнее, что на самом деле дед Никифор был даже не дедом. Он был прадедом. А своего настоящего деда – мамино папу – Ножкин никогда не видел, разве что на фотокарточках. Одна стояла у них на телевизоре: дед Антон – возле самолёта. Антон Никифорович был лётчиком-испытателем на самолётном заводе. Он испытывал новые машины, которые собирали в одном экземпляре, чтобы проверить, что у них не работает. А у них всегда что-то не работало: то мотор, то рули, то шасси. Но дед Антон был настоящим асом и умел приземляться без мотора, рулей и

колёс, за что его очень любили конструкторы. Они вносили изменения в чертежи и расчёты, и дед снова взмывал в небо. Бабушка Валя очень переживала, провожая его на аэродром, а дед Антон улыбался и говорил, чтобы она успокоилась, потому что у него есть волшебная кнопка, которую он всегда успеет нажать. Это была кнопка катапульты – устройства, которое выстреливает лётчика из падающего самолёта, чтобы он смог приземлиться на парашюте.

Но оказалось, что бабушка нервничала не зря. Дед Антон её обманывал. Однажды он всё-таки не нажал кнопку и спас самолёт до тех пор, пока тот не врезался в землю...

СТОЙКА НА РУКАХ

– Дедушка! Дедушка! – прорезал сонную площадь звонкий крик, лишь только автобус открыл переднюю дверь.

Первым из неё степенно вышел Кочкин; за ним стремительно выскочил Ножкин и бросился в объятия старику. Такой наскок мог бы сбить с ног любого, но дед Никифор, которого Илья никогда не называл прадедом, крепко стоял на земле.

– Эй, скаун, а чемодан мне оставил? – раздался сзади голос водителя.

Илья обернулся и увидел кучерявого с папиной дорожной сумкой в руках.

– Ой, извините!

– Да ладно, дело молодое. Я раньше ещё сильнее скакал, – примирительно пробурчал водитель, – а теперь семью кормить надо, так что сильно не поскачешь... Кто тут из вас дед Никифор?

– Я! – ответил дед.

– Оно и видно, – согласился кучерявый. – Тогда принимай по накладной: чемодан – один, Ножкин – один. А то мне ехать надо: остальных сдавать.

– Спасибо, – поблагодарил дед и как-то неловко протянул водителю десятку.

– Это зачем? – удивился тот.

– За доставку. Больше нету: пенсия маленькая.

– Все там будем! – философски заметил кучерявый и неожиданно протянул деду хрустящую сотку.

– Да что вы! Не надо, нам хватает...

– Держи, держи! Это мне его родитель дал. А я сдуру взял: инстинкт, понимаешь... Но теперь вижу, не зря.

С этими словами водитель развернулся и быстро зашагал к автобусу. Вскоре оттуда послышался его голос:

– Все успели? Ну, тогда – с Богом!

Автобус заурчал и покатил дальше, оставив на станционной площади деда Никифора, Илью, Семёна Кочкина, увешанного городскими подарками, и слегка озадаченную курицу, которая как ни старалась, а не сумела попасть под колёса автобуса, за рулём которого сидел водитель, научившийся уважать кур ещё на прошлой работе.

Дед Никифор и бабушка Валя не однажды приезжали в города и посёлки, где жили Ножкины, а вот к ним в Башмачку Илья пожаловал впервые. Поэтому встретили его, как раньше встречали космонавтов – с цветами и поцелуями. Цветы стояли на столе, на шкафу, на подоконниках и даже росли перед домом, а поцелуев было ещё больше. Бабушка Валя так нацеловалась, что даже заплакала. Она всплёскивала руками, качала головой и вытирала щёки кухонным полотенцем, пока дед Никифор строго не проговорил:

– Будет сырость разводить! Выплачешь все слёзы на радость – на горе не останется. Лучше накорми гостя, он с дороги, поди, есть хочет.

Дед словно читал мысли. Пока бабушка его целовала, Ножкин бросал голодные взгляды на празднично украшенный стол, где кроме цветов стояло много чего хорошего. Но поесть сразу не удалось. Только они расселись и Ножкин схватил ложку, как дед сказал:

– Положи! Помолимся.

Илья шумно проглотил слюну, но ложку положил.

– Читай, – сказал дед.

– Что?

– «Отче наш».

– Деда, а я не помню...

– Да я ж тебя учил! Выходит зря... А ведь это самая главная молитва!

– Почему?

– Потому что её дал ученикам Сам Христос, а молитву Господню забывать негоже!

– Никифор Иванович, не сердись: он выучит, – вступилась за Илью бабушка Валя.

– А зачем сердиться? Это ж не мне, а ему без Силы Небесной туго в жизни придётся, – спокойно объяснил дед и неспешно прочитал «Отче наш».

Урок пошёл впрок – весь вечер Илья учил Господню молитву, а утром перед завтраком прочитал её наизусть. И только один раз запнулся, но дед тихонько подсказал...

* * *

В Башмачке Ножкину понравилось. Тут, правда, не было моря, зато была речка с волшебным названием Самоткань. На той стороне она вся поросла камышом, который на берегу переходил в небольшую посадку. С высокого холма на этой стороне было видно, что за посадкой лежит поле: вначале зелёное, а потом такое жёлтое, что в солнечный день больно смотреть.

– Это подшолнухи, – объяснил Илье Колька Цопиков – вожак башмачкинских пацанов: – Когда пошпеют возьмём лодку, шплаваем за шемечками.

С Колькой Цопиковым Илья познакомился на второй день после приезда, но его имя он услышал раньше.

– Есть тут у нас один Колька шепелявый... Все зубы в драках растерял, – тихонько, чтоб не слышал дед, предупредила Ножкина бабушка. – Ты держись от него подальше: он городских страсть как не любит.

Но дед всё равно услышал и, потрепав Илью по голове, сказал:

– Ну и пускай не любит, а ты люби – и он научится...

С таким напутствием Ножкин пошёл на берег и сразу нос к носу столкнулся с Колькой и его командой. Местные прыгали в воду с высокого рыбацкого мостка: кто бомбочкой, кто головкой, весело гогоча и поднимая тучи брызг. Сначала они Илью не заметили, но когда он снял шорты и остался в ярких американских плавках, все головы повернулись к нему.

– Гля, какой индюк припёрша, – прошепелявил самый высокий.

– Индюк! Индюк! – загоготали остальные. – Толибася, покажь индюка!

– Улу-лу! Улу-лу! – замотал головой жирный белобрысый мальчишка со странным именем Толибася, который явно работал в этой компании дежурным клоуном.

Улюлюкая и мотая головой, Толибася взбежал на мосток, нелепо замахал руками-крыльями, наклонился, смачно хлопал себя по заднем месту, обтянутому пёстрыми труса-

ми, и с диким рёвом рухнул в воду.

Местные просто повалились на землю и задрыгали ногами:

– Колян, покажи класс! – крикнул крепенький мальчишка, чёрный от загара, как негритёнок.

Шепелявый вскочил на ноги, поправил резинку трусов, которые доходили ему до колен, разогнался и лихо сиганул с мостка, картинно раскинув руки в стороны, но успев сложить их над головой перед тем, как войти в воду. Потом он выбрался на берег и вразвалочку подошёл к Ножкину.

– Ну, што, индюк, слабо так?

– Не слабо, – спокойно ответил Илья, не обращая внимания на «индюка».

Он хорошо знал, что незнакомым собакам и бандитам нельзя показывать, что ты их боишься, и уж тем более доказывать, что ты не индюк. Никто твоим словам не поверит, особенно когда дело идёт к драке.

– Да врёт он! – неожиданно тонким голосом выкрикнул толстый Толибася.

– Беш тебя знаю, – кивнул шепелявый. – Городские только в ванну умеют прыгать.

– А давай его искупаем! – предложил чёрный крепыш.

– Давай! – загалдели остальные.

Ножкин понял, что пора действовать. Он решительно оттолкнул шепелявого, подбежал к краю мостка и прыгнул, вложив в толчок все силы. Прыжок получился что надо! Пол-

тора оборота прогнувшись и вход в воду почти без брызг...

Когда Илья вынырнул, местные стояли с открытыми ртами, не в силах вымолвить слова. Такого они ещё не видели. Да и где они могли такое увидеть, если прыгунов в воду по телевизору почти не показывают, не то что футболистов.

Первым пришёл в себя Толибася.

– Класс! – выдохнул он.

Похоже, остальные были с ним полностью согласны, потому что разом восторженно загалдели и обступили Ножкина со всех сторон, как только он вылез на берег.

– Колян, – без тени враждебности представился шепелявый и первым протянул руку.

– Илья, – ответил Ножкин и пожал раскрытую ладонь.

– Ого! – сказал Коля, шевеля расплюснутыми пальцами. – Ты чё, шпортшмен?

– Да. Занимаюсь прыжками в воду.

– Научи!

– Хорошо, только сначала надо на берегу позаниматься.

– Давай! – легко согласился Колька.

Илья выбрал место поровнее и стал показывать своим новым друзьям, как правильно делать стойку на руках.

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕК ДЫШИТ?

Каждый новый день в Башмачке приносил Ножкину новые открытия.

Бабушка научила его правильно поливать огород, а не просто лупить струёй из шланга, сбивая помидоры.

Толибася показал, как править Буяном – сонным и ленивым конём-тяжеловозом, запряжённым в скрипучую телегу с водяной бочкой.

Чёрный крепыш, которого звали Жека, объяснил, как ловить раков в норах и при этом не резать руки острыми, словно бритва, речными ракушками.

А шепелявый Колька Цопиков вообще оказался ходячим справочником по флоре и фауне. Если кто забыл, то флора – это всё, что растёт, а фауна – всё, что бегает и летает: например, древесные лягушки. Эти удивительные зверушки сидят на ветках и распевают полуптичьи песни, что-то вроде: «Ккакка-кка». Простому человеку увидеть их трудно, потому что они умело сливаются с листвой. Но только не Кольке! Специально для Ильи он в два счёта увидел и изловил поющую лягушку.

– Шмотри, у них лапы, как у людей: ш пришошками, – объяснял он. – Вцепятся – не оторвёшь. Держи!

Но Ножкин вежливо отказался: наверное, у него лапы были без присосок и он не имел привычки хватать всё подряд, к тому же у него не было уверенности, что эта тварь не кушается.

Кроме лягушки, Колька познакомил Ножкина с птицей-удодом, огромным жуком-оленом, ужом, ящерицей и колючим ежевым семейством, которое хулиганило по ночам в

огороде, громко шурша и похрюкивая. А вот трясогузка познакомилась с ним сама. Эта смешная птичка, похожая на воробья, сидела на грядке, и когда заметила Илью, обрадованно закричала:

– Ты! Ты! Ты!

Но это было лишь началом сложной церемонии приветствия. Вдоволь «натыкавшись», трясогузка присвистнула, заскрипела, словно несмазанная дверь и, повернувшись к Ножкину задом, начала трясти длинным коричневым хвостиком. Но Илья не обиделся: ведь у каждого народа свои понятия об этикете...

* * *

Что же касается флоры, то под Колькиным предводительством, Илья перепробовал всё, что росло на деревьях, кустах или торчало из земли. Просто не верилось, что Цопиков всю жизнь просидел в Башмачке и только раз съездил на экскурсию в город: его знания были настолько обширны, что он знал даже своё будущее.

– Пошла школы пойду в лешотехнический! – уверенно говорил он. – Там природу изучают, а я природу люблю.

Кстати, бабушка Валя сильно преувеличила Колькины хулиганские замашки. Да, бывало, он дрался, но всегда один на один и то только затем, чтобы слегка сбить спесь с тех городских, которые считали, что в селе живут сплошные при-

дурки. А передние зубы он и вообще не в драке потерял, а в лесу, свалившись в овражек, на дне которого лежал огромный валун...

* * *

Но самым большим открытием был дед. Приезжая к ним в гости, он старался держаться в тени: много не говорил, больше слушал. Зато в Башмачке Ножкин узнал про своего прадеда много нового.

Как-то в обед к ним зашёл Семён Кочкин, который успешно сдал экзамены и теперь бродил по селу, за так приваривая всё, что болталось, скрипело или текло. Он быстро подновил старые петли на воротах, вытер фуражкой, сверкающее от пота и удовольствия лицо, и вдруг спросил, а знает ли Ножкин, что его прадед, Никифор Иванович, самый уважаемый человек в Башмачке.

– И не только в Башмачке. Его весной с областного телевидения снимать приезжали. Мы потом в клубе всем селом передачу смотрели. Названия не помню, но что-то про чистое сердце... А ну, слей!

Илья взял кувшин и полил Кочкину руки. Тот слегка потёр ладони, покрутил их перед глазами и сказал:

– Сойдёт! Всё равно сейчас дыру Митрохиным заваривать, у них и домою.

– А про что была передача? – спросил Ножкин, опасаясь,

что Семён уйдёт, так и не рассказав главного.

– Да я ж говорю: про деда Никифора. Как его перед самой войной назначили директором оружейного завода. Я прикинул: он тогда всего на семь лет меня старше был... А через полгода ему Звезду Героя дали: он там какую-то штуковину изобрёл, чтоб при стрельбе осечек не было. Их и не было, а вот в жизни вышла, – Кочкин замолчал, опять посмотрел на свои ладони и неожиданно сказал: – Гляди, опять на солнце пятна проступили. А ну, ещё плесни!

– Какая осечка? – спросил Ножкин, отставляя пустой кувшин.

– Сборочный цех загорелся. Еле потушили. И то ценой нечеловеческих жертв. В смысле, почти все станки сгорели. Начальника цеха и старшего мастера следователь под диверсию подводил, а это ж в военное время – расстрел! Тогда дед всю вину на себя взял и такие доказательства предоставил, что следователь на тех двоих сразу дело закрыл. Прокурор на суде тоже расстрела требовал, но судья решил, что Героя стрелять никак нельзя и дал деду десять лет лагерей без права переписки, ну, и Звезду отобрал, конечно.

– А что такое «без права переписки»?

– А то же самое, что расстрел: по такой статье мало кто живым вышел. Многих потом, когда ту власть скинули, уже посмертно оправдали.

– А как же дед выжил? – спросил Илья, чувствуя, что по его спине побежали мурашки.

– А это ты у него сам спроси. Ну, ладно, держи пять! Только сильно не дави, а то я вчера палец прижѐг...

* * *

Но сразу спросить не получилось. Несмотря на свои девяносто два, дед Никифор всё время был занят. К нему часто приходили односельчане и о чём-то долго говорили. Такие разговоры дед называл беседками, потому что велись они в симпатичной маленькой беседке, увитой виноградом. Телевизор дед никогда не смотрел, да и не было в доме телевизора. Так что передачу про себя он не видел. Зато дед много читал. Книги в основном были очень старые и толстые, а в некоторых вместо нормальных букв Ножкин заметил какие-то странные закорючки. Дед объяснил, что это церковнославянский язык и что он намного полезнее английского. Ножкин спорить не стал, потому что английский ему порядком надоел из-за того, что там надо всё время гундосить и просовывать язык между передними зубами...

А когда дед не читал или не сидел в говорильной беседке, или не помогал бабушке Вале по хозяйству, он ходил в церковь – ту самую, что Ножкин видел из окна автобуса. Бабушка Валя тоже ходила, но реже. Она как-то хотела взять Илью с собой, но прадед пристально посмотрел правнуку в глаза и сказал, как отрезал:

– Не мельтеши! Сам придѐт, когда время наступит.

Эти слова зацепили Ножкина. Ему показалось, что в них есть что-то обидное. Выбрав минутку, он спросил:

– Деда, а зачем ты ходишь в церковь?

Дед Никифор улыбнулся и ответил вопросом на вопрос:

– А зачем ты дышишь?

– Чтобы жить.

– Значит, чтобы не умереть.

– Ну, да...

– Вот и я затем же.

СТРАННЫЙ МАЛЬЧИК

Илья так и не понял, что общего между вдыханием воздуха и походами в церковь, но дед дальше объяснять не стал.

Этот разговор запал ему в душу, и в ближайшее воскресенье, когда над селом поплыл тягучий колокольный звон, Ножкин побежал ему навстречу, туда, где в утреннем солнце сверкали три богатырских шлема. Однако не добежал, остановившись под разлапистым клёном в начале церковной ограды. Сколько он так простоял – неизвестно. Наверное, долго, потому что солнце, с трудом карабкавшееся на крыши под колокольный звон, уже висело над ними, и его горячие лучи били в прорехи густой кленовой листвы.

Стоять было плохо, но не из-за лучей, а из-за сомнений, которые раздирали Ножкина. Сомнений было два. Одно неуверенно спрашивало: «Идти или не идти?» Другое в

ответ попискивало: «А куда идти, если всё равно опоздал?». «А если?...» – не сдавалось первое. «А вдруг?...» – колебалось второе.

Пререкались они как-то вяло, и из-за этого было ещё тошнее. Если бы в этот момент кто-нибудь увидел Илью со стороны, то немало бы удивился. Потому что со стороны поведение Ножкина выглядело очень странно. Он переминался с ноги на ногу, потом делал пару шагов вперёд и снова возвращался на место. Просто не человек, а какой-то бурый медведь в зоопарке!

Вдоволь натоптавшись, Илья наконец собрался с силами и вмешался в спор. Это было нелегко, потому что пока Ножкин топтался, сомнения окрепли и его не слушали. Но Илья поднатужился и, мысленно взяв их за шкуру, решительно вышвырнул вон.

Сразу стало так легко, что он даже не заметил, как взлетел на высокий церковный порог. На какое-то мгновение Ножкин остановился, а потом, невольно зажмурившись, шагнул в распахнутую дверь.

Открыв глаза, он сразу понял, что попал в другой мир. Это чувство было знакомо. Так всегда бывает, когда прыгаешь в воду. Пока стоишь на вышке, тебя окружают привычные краски и звуки. Но стоит оттолкнуться от помоста и в стремительном полёте пересечь границу надводного и подводного миров, как звуки и краски становятся иными – мягкими и размытыми, а тело обретает такую лёгкость, что его

почти не ощущаешь, и оно, забыв всё земное, парит в этой ласковой стихии, как птица в облаках.

И это никакие не выдумки, а чистая правда. Какие бы неприятности не случились у тебя на берегу: ну там, родителей в школу вызывают или к зубному идти надо, – под водой ты ни за что про это не вспомнишь. Потому что там нет ни строгих директоров, ни бормашин, ни других противных штучек, от которых вечно пропадает настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.